

— Хоть бы совесть сохранил, целуетесь, будто уже встречаетесь, — сказал Ху Юй.

— Эй, не надо так, потише, мы и так всё понимаем, — ответил Гу Чанъань.

— Посмотри на своё лицо — улыбаешься, как старая хризантема.

— А ты посмотри на свою завистливую рожу, — прищурился Гу Чанъань, глядя на Ху Юя. — Отвратительно.

Ху Юй ткнул пальцем в Гу Чанъаня и обратился к Е Цину:

— Эй, глянь-ка! Вот человек, ради которого мы с тобой мозги ломали и все силы тратили. Видишь, как он, перейдя реку, мосты рубит? Видишь его истинное лицо? Не жалеешь?

— Как в комедийном дуэте: он шутит, а ты обязан подыгрывать, — сказал Е Цин.

Спустя некоторое время Ху Юй, под грозным взглядом Е Цина, подмел пол и вдруг спросил:

— Эй, старина Гу, а что будешь делать, если на четвёртом уровне меньше пятисот баллов наберёшь?

В комнате повисла мёртвая тишина.

— Ты, ворона, не можешь мне добра пожелать? — спросил Гу Чанъань.

— Э, я же просто гипотетически, — оправдался Ху Юй. — Гипотетически!

Гу Чанъань обернулся:

— Не знаешь, что доброе не сбывается, а худое — всегда? Пока результаты не вышли, обсуждать нельзя.

— Эй, мы же молодёжь двадцать первого века, нечего суевериям предаваться, — сказал Ху Юй, ставя метлу на место.

— Мне кажется, мне на экзаменах везёт, — задумался Гу Чанъань и развёл руками. — Учусь-то я не очень, зато удачлив.

Ху Юй холодно протянул:

— Ага.

— Смотри: на вступительных в среднюю школу учился так себе, но попал в провинциальную школу первой категории. На гаокао готовился три месяца — и поступил в университет из списка 211, — продолжил Гу Чанъань.

— Убирайся. Таким, как ты, в нашей комнате не рады, — буркнул Ху Юй.

Гу Чанъань с наигранным сожалением покачал головой:

— Я не хвастаюсь, просто хочу доказать, что мне везёт.

Безразлично глядя в пустоту, Ху Юй вытряхнул одежду из корзины в таз:

— Эй, не хочу я с тобой разговаривать. Пойду постираю.

— Кстати, как на Рождество собираетесь? — спросил Е Цин между делом.

Гу Чанъань ответил:

— Вчера только день рождения у него отгремел. Думаю, сегодня не выйдет.

Подумав, Гу Чанъань всё же написал Линь Го.

— Как малыш Рождество проведёт?

— Кривляться — стыдно.

— А раз ты такой милашка, значит, уже на уровне бесстыдства, да?

— ...

— [Тихонечко целую.jpg]

— Теорию права повторил?

— Ещё нет, не спешу.

— Решил, что не успеешь, и сразу на пересдачу настраиваешься?

— Врёшь. Ещё несколько дней впереди. Как это я не успею?

— ...

Три точки показались Гу Чанъаню многозначительными. Он обернулся к Е Цину:

— Брат Цин, у нас же экзамен по теории права четвёртого января?

— Ещё несколько дней назад сказали, что перенесли на завтра, на утро. Я тебе говорил, ты же отлично ответил, — Е Цин провёл рукой по лбу. — Неужели забыл?

Гу Чанъань застыл:

— Блин. Я... я всё думал, что четвёртого.

Е Цин съязвил:

— Ты что, рыба? Меняй имя на Гу Длинная Рыба.

— Малыш, рождественский братец сегодня с тобой не гуляет.

— ... Так и знал. Много уже прочитал?

— Ну... половину.

Линь Го хорошо знал замашки Гу Чанъаня. Если тот говорил «половину», значит, лишь открыл учебник, от силы десять страниц внимательно прочёл.

— Тогда быстрее повторяй, завтра же экзамен.

— Ага, прости, малыш.

— Что извиняться-то? Экзамен, конечно, важнее.

— Чмоки-чмоки!

— Давай, повторяй!

Гу Чанъань раскрыл учебник и принялся зубрить. Е Цин, играя рядом, стал свидетелем того, как тот прошёл весь путь от боевого задора до постепенной потери улыбки и, наконец, до полного отрешения от тела.

Пекинское время, 17:00. До экзамена оставалось шестнадцать часов, до обычного отхода Гу Чанъаня ко сну — шесть.

За последние семь часов он сыграл несколько партий в «Джокера», прошёл через все взлёты и падения игровой жизни — от подрядчика до миллионера и обратно до бедняка. Трижды заходил в «Вэйбо», в среднем на двадцать минут за раз. Полчаса потратил на обед и твёрдо придерживался принципа «после еды полчаса учиться вредно».

Поскольку рукописный текст Гу Чанъань запоминал лучше печатного, он привык выписывать основные моменты на бумагу. На этот процесс ушло два часа.

Возможно, из-за цейтнота Гу Чанъань сильно нервничал. Закончив конспектировать, он никак не мог сосредоточиться на заучивании.

«День».

Гу Чанъань открыл сообщение. От Линь Го.

— Как дела?

— Неплохо.

— В общаге?

— Ага, все ушли, я один.

— Я только фруктов купил, сейчас принесу.

— Не надо, сам съешь. На улице холодно. В следующий раз скажи, что хочешь, — я куплю.

— Да ладно. Я как раз вышел прогуляться, пищу переварить.

— Эх, меня бы позвал.

— А кто мой потенциальный парень завтра экзамен сдаёт? [Послушный.jpg]

Слова Линь Го о «потенциальном парне» сладко отозвались в сердце Гу Чанъаня.

— Сейчас принесу фрукты, а ты пока читай, потенциальный парень. [Подмигивает.jpg]

— Ладно.

Гу Чанъань отложил телефон, специально приоткрыл дверь и снова уткнулся в учебник.

Примерно через полчаса Линь Го вошёл, неся большой пакет с фруктами. Гу Чанъань, слушая

музыку в наушниках, не заметил его прихода.

Линь Го осторожно заглянул, убедился, что Гу Чанъань действительно читает, и бесшумно поставил пакет на пол.

Он положил подбородок на плечо Гу Чанъаня.

— Пришёл, — сказал Гу Чанъань.

Линь Го только что с улицы, лицо холодное. Он кивнул и потёрся щекой о Гу Чанъаня.

Тот потянулся к наушнику. Только снял правый, как Линь Го остановил его руку, взял в зубы левый провод, наклонил голову и тихо прошептал ему в левое ухо:

— Мой потенциальный парень хорошо повторяет?

У Гу Чанъаня от этих слов половина тела онемела. Он буркнул что-то носом, повернулся, чтобы поцеловать Линь Го, но тот отклонился, и Гу Чанъань угодил ему в подбородок.

— М-м?

Глаза Линь Го блестели. Мягко сказал:

— Ты пока только потенциальный парень.

— Ладно, — усмехнулся Гу Чанъань. — Почему так легко оделся? Замёрз?

— Я что, женьшеневый корень, что ли, испорчусь от мороза? — Линь Го снял куртку и придвинул стул Е Цина.

Гу Чанъань взял его руку, чтобы согреть:

— Ты и есть мой женьшеневый корешок. Белый, мягкий. Чмокнешь — и все болезни как рукой снимет.

— М-м... С чего это я вдруг все болезни лечу?

— Сегодня я очень раздражён был, ничего в голову не шло. А как ты заговорил — всё прошло, — сказал Гу Чанъань.

Линь Го сжал губы, скрывая улыбку:

— Правда?

Гу Чанъань наклонился, согревая его руку дыханием:

— Ещё бы. Много купил, тяжело было? В следующий раз скажи, не ходи один. Если прогуляться хочешь — позови меня, я хоть сумку понесу. Смотри, на руке даже след от ручки остался...

Линь Го наклонился и поцеловал Гу Чанъаня, прервав его бормотание.

— Ну что, полегчало? — спросил Линь Го.

Гу Чанъань всё ещё пребывал в лёгком ступоре:

— А?

— Ты же сказал: «Чмокнешь — и все болезни как рукой снимет», — напомнил Линь Го.

— А, да... Чуть-чуть, — ответил Гу Чанъань.

— «Как рукой снимет», а всего лишь «чуть-чуть»? — недовольно протянул Линь Го.

— Это только первый сеанс, маловато будет, — Гу Чанъань приник к его губам. Линь Го не сопротивлялся, но и не открывал рот для ответного поцелуя. В конце Гу Чанъань ещё и кончиком языка дразняще лизнул его.

— Теперь можно сказать — очень даже полегчало, — заявил Гу Чанъань.

Линь Го выдернул руку, встал и принёс пакет с фруктами:

— Грязный развратник.

— А тебе грязные развратники нравятся? — спросил Гу Чанъань.

Линь Го очистил мандарин, съел одну дольку сам, а две сунул в рот Гу Чанъаню:

— Ешь.

— М-м, сладко, — Гу Чанъань смотрел на него с улыбкой в глазах. — Нравится, Го Го?

Линь Го, потупившись, чистил мандарин:

— Мне нравится такой, какой есть мой потенциальный парень.

Гу Чанъань нарочито спросил:

— А кто твой потенциальный парень?

Он сделал невинное лицо:

— Гу Линь Го, ты что, собираешься встречаться? Кто твой потенциальный парень? Я его знаю?

Линь Го, покраснев от досады, сунул Гу Чанъаню в рот половинку мандарина:

— Ты, это ты, понял? Только ты мне нравишься. Даже еда твой рот не затыкает.

Гу Чанъань чуть не поперхнулся соком:

— Кхм... Только женьшеневый корешок мой рот заткнёт.

Линь Го стряхнул с себя руку Гу Чанъаня, которая уже подбиралась его обнять:

— Отстань, отстань. Пойду виноград помою.